

Л.И. ШАПАВАЛАВА

(Могилёў)

КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ КОННОТАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ГОВОРОВ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

(на материале фразеологического ряда “бездельничать”)

С 1980 г. кафедра русского языка Могилевского государственного университета им А.А. Кулешова направляет диалектологические экспедиции в пограничные районы Могилевской и Смоленской областей, т.н. зону могилевско-смоленского пограничья (МСП).

В эту зону нами условно включается часть территории Горецкого, Мстиславского, Кричевского, Климовичского, Хотимского районов Могилевской области и Краснинского, Монастырщинского, Хиславичского, Шумяцкого, Ершичского районов Смоленской области, которая отдалается от официальной границы между этими областями не более чем на 20 километров.

Здесь исторически сложился этно-лингвистический ареал, представляющий интерес для специалистов разных гуманитарных наук — истории, этнографии, лингвистики.

Основными факторами, определившими формирование этого ареала, явились исторические геополитические сдвиги в результате векового противостояния ВКЛ и Московского государства, этнический состав населения — смешанный белорусско-русский, специфика белорусско-русских социально-экономических и культурных связей и языковых контактов.

В пределах могилевско-смоленского лингвистического ареала в результате пересечения, контактирования близкородственных славянских языков — белорусского и русского — сложились относительно однородные говоры, которые ученые-диалектологи считают *переходными*, т.к. они возникли в результате интерференции, при которой на язык-основу (белорусскую или русскую) “наслаиваются” системные показатели другого языка, причем доминантные системные показатели белорусского языка постепенно ослабевают при его продвижении на восток, а показатели русского языка — при его продвижении на запад ареала.

Эти говоры нашли отражение в атласах белорусского и русского языков; их фонетические, лексические, грамматические особенности давно уже изучаются учеными-диалектологами. Но говоры МСП, их лексико-фразеологический фонд хранит бесценные сведения о материальной и духовной культуре восточных славян. Новые возможности для их изучения открывает современное научное направление, основанное на идеях взаимосвязи языка и культуры, — **лингвокультурология**.

Богатый лексико-фразеологический материал, ежегодно собираемый участниками диалектологических экспедиций — студентами филологического факультета и преподавателями кафедры русского языка, составил картотеку, насчитывающую более 80 тысяч единиц. Обработанные материалы этой картотеки свидетельствуют, что фразеологический состав говоров могилевско-смоленского пограничья (ГМСП) объединяет разные по сфере употребления фразеологические единицы (ФЕ) — литературные, фольклорные, общенародные, но основу его, как и во всех других говорах, составляют диалектные фразеологизмы, т.е. “воспроизводимые в одном или нескольких диалектах устойчивые словесные комплексы, которые не употребляются в общенародном или литературном языке либо являются видоизмененными общенародными фразеологизмами”²¹ (перевод наш — Л.Ш).

В диалектных фразеологизмах ГМСП выступают акцентологические, фонетические, семантические, словообразовательные или грамматические варианты соотносительных компонентов недиалектных ФЕ — рус-

ских и белорусских: **на бум (ум)** Лазаря — **наобум** Лазаря (русск.); **баклонки бить** — **бить баклуши** (русск.); **с быка на андыка** — **с быка на индыка** (бел.); **взвести сплётку** — **сплести плётку** (бел.) и др. Но ядро диалектных фразеологизмов составляют единицы, включающие хотя бы один лексический диалектизм, напр.: **аредова голова** — ‘бестолковый, глупый человек’; **деньги шумархат** — ‘сорить деньгами’; **заседлая девка** — ‘старая дева’; **дейку пустить** — ‘пустить слух’; **цалки в шенелях** — ‘картофель в мундирах’; **вычавреть на тапешку** — ‘исхудать’; **верзти хаманю** — ‘нести чушь’ и др.

Фразеологические единицы языка — это особые единицы, в значении которых важно не столько понятийное содержание, сколько различного рода смысловые “наслоения”, образность, экспрессия. Это обусловлено самой природой фразеологизма, особенностями его формирования: сначала в действительности возникает некая прототипная ситуация, т.е. ситуация, соответствующая прямому значению словосочетания; за ней закрепляется содержание, которое затем переосмысливается, т.е. формируется образ фразеологической единицы на основе первичных значений слов в прототипной ситуации. Именно эти первичные слова как бы оставляют в образе свое значение. Так создается **внутренняя форма**, в которой содержится основная информация, связанная с культурой.

Фразеологизмы, отображающие типовые ситуации и представления, начинают выполнять роль символов, эталонов, стереотипов культуры (напр., **выносить сор из избы** (русск.) и **вымятаць смецце з хаты** (бел.) — ‘разглашать сведения о каких-либо неприятностях’). Эта стереотипность, символичность и эталонизированность образования оснований фразеологизмов обуславливает их культурно-национальную специфику². Поэтому фразеологизмы, по словам Ф.И.Буслаева, — своеобразные микромиры, которые содержат в себе “и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам”³. Во фразеологизмах отражаются части мифов, “обычай и верования, стереотипы, национальная культура каждого народа”⁴.

Итак, фразеологизмы прямо (через “просвечивающееся” первичное значение) или опосредованно (через соотнесенность ассоциативно-образного основания с эталонами, символами, стереотипами национальной культуры) несут в себе культурную информацию о мире, народе. Поэтому ФЕ — своего рода сокровищница народа, сохраняющая и воспроизводящая менталитет народа, его культуру от поколения к поколению:

Культурно-национальное своеобразие фразеологизмов формируется посредством **культурной коннотации**. Этот термин предложила и определила его содержание В.Н.Телия в 1993 году. Интерпретируя ФЕ на основе соотнесения их ассоциативно-образных восприятий со стереотипами, отражающими народный менталитет, она тем самым раскрывает их культурно-национальный смысл и характер, который и является содержанием культурно-национальной коннотации.

Обширная группа фразеологизмов, важная для понимания менталитета восточных славян, объединяет **фразеологизмы поведения**, т.к. общеизвестно, что поведение тесно связано с обычаями, традициями, ритуалами каждого народа. "В любой человеческой группе поведение людей не есть прямая реакция на внешние стимулы, оно опосредовано культурой"⁵ — писал академик Ю.В.Бромлей.

Фразеологизмы поведения образуют семантическое поле, в котором на основе ассоциативно-смысловой близости выделяются различные **семантические секторы**, внутри которых можно "выстроить" **фразеологические ряды** (ФР). Одним из семантических секторов этого поля является сектор "**трудовое поведение**", в котором можно выделить ФР со значением "**бездельничать**".

Структуру этого ФР и специфику его культурно-национальной коннотации мы рассмотрим на примере фразеологизмов ГМСП.

В.Н.Телия пишет, что характерологической чертой славянского менталитета является установка на трудовую деятельность, которая в библейской формулировке предписывает "трудиться в поте лица", чтобы пожинать плоды труда своего. Поэтому содержание позитивной культурно-национальной коннотации ФЕ ориентировано на активную, плодотворную трудовую деятельность: **все в руках горит** (русск.) и **руки гараць ад работы** (бел). Коннотация единиц ФР "бездельничать" обусловлена нарушениями характерологической установки на плодотворную трудовую деятельность⁶.

А.С.Аксамитов приводит ряд белорусских и русских фразеологизмов, имеющих узкое инвариантное значение "бездельничать" и построенных по модели "стержневое слово **бить** + существ. во множ. числе"⁷. И.Я.Лепешев считает, что глагольный компонент таких ФЕ "семантически пустой, вспомогательный, а субстантивный выполняет смыслообразующую функцию"⁸.

В ГМСП выделен ФР, включающий идентичные устойчивые словосочетания:

БАЙДИКИ, БАКЛЮНКИ, БАЛДЫ, БАЛУИ, БИЗИКИ, БИТЬ + БЕЛЕНДРЯСЫ, БЛЫНДЫ, БРЫНДЫ, БЭСТАЛЫ.

- БайДИКИ БИТЬ:** Зимой па вичирах, кали сильная стюжа была, мы **байдики били** ды песни спивали. Звенчатка, Клим. Мгл. **Байдики бить** — то ж ничяво ня дельть. Любавичи, Мон. Смл.
- БАКЛОНКИ БИТЬ:** Унучка ўсё лета **баклонки била**, ходь ба што-небуць пьмыгла зрабить. Полошково, Клим. Мгл. Гудувала я сына свайво адна, думала, памочник будить, а ён во работыть ня хочить, цэлыми днями **баклонки бье**. Соино, Хисл. Смл.
- БалДЫ БИТЬ:** Дет мой усё **балды биў**: то на рыбу хадиў, то веники ў гайку визаў, а работа стаить. Ст. Дедин, Клим. Мгл. Ну што ты ўвесь день **балды бьеш**, иди з батькам стох класти! Любавичи, Мон. Смл.
- БАЛУИ БИТЬ:** Я ўжо сёньня наработылася, хопить. Шчас буду **балуи бить**. Тростино, Хот. Мгл. Пра таго, хто никыда ни работыить, гаворять:” Ён **балуи бьеть**”. Любавичи, Мон. Смл.
- БЕЛЕНДРЯСЫ БИТЬ:** Ну што ета за хлопц таки? Гультаюга ней ки! Иди работать, нечага **билиндрысы бить**! Звенчатка, Клим. Мгл.
- БизИКИ БИТЬ:** У дярёўни тяшка жыть. Ета вам ни ў горади **бизики бить**. Звенчатка, Клим. Мгл. Можа, хопить **бизики бить**? Пойдим на лух, сена треба грести. Кр. Буда. Крич. Мгл. А хто **бизики биў**, таму ничога и ни платили. Соино, Хисл. Смл.
- БлыНДЫ БИТЬ:** Цэлы день **блынды била**, дык тяперачка иди работай. Кулешовка, Клим. Мгл.
- БрыНДЫ БИТЬ:** Ну кольки ш можна **брынды бить**? Я ш старая ужо, ни магу я адна воз еты вести. Еловец, Хот. Мгл. Сёньня ўвесь день на речки **брынды били**, а баба во сена адна грибла. Кузьмичи, Ерш. Смл.
- БэСТАЛЫ БИТЬ:** Хлопцы маладыя ходять, **бэсталы бьють**, а хто ж работать будить? Шамово, Мст. Мгл.

Культурная интерпретация прототипных ситуаций, мотивирующая образование данных ФЕ, различна.

1. Существительное **брында** и фразеологизм **брынды бить** восприняты разговорным белорусским языком и ГМСП из условно-профессионального языка ремесленников-шерстобитов (шаповалов), где **брындой** назывался инструмент, которым отбивали сложенную слоями шерсть при изготовлении войлока. Шаповальский промысел был примитивным, профессиональные навыки приобретались легко, а сами трудовые операции не требовали значительных физических затрат. Поэтому в сознании носителей языка такие действия приравнивались к бездействию, “ничегонеделанью”, а культурная коннотация этого фразеологизма выражается в формуле: **“выполнять работу, не требующую практических навыков и значительных физических усилий → бездельничать”**.

2. В белорусский разговорный фразеологизм **байды бить**, как и синонимичный ему диалектный **байдики бить**, включают, по мнению И.Я.Лепешева, устаревшие наименования речных судов на Днепре и его притоках (**байд, байдик**), что подтверждается сохранившимся в ГМСП существительным **байд ‘рыбачья лодка’**. Работа на них людей, нанятых на период навигации, казалась лёгким занятием, пустяковым делом, особенно для тех, кто на это время оставался один вести крестьянское хозяйство⁹. В этой этимологии, данной И.Я.Лепешевым, просматривается культурная мотивация, приведенная выше: **“выполнять работу, не требующую практических навыков и значительных физических усилий → бездельничать”**.

3. Значение субстантивного некротического компонента фразеологизма **балды бить** просняется в СД (I, 43), где указывается, что в русских говорах существительное **баўлда** и его акцентологический вариант **балдаў** имеют разное значение: ‘большой молот, кувалда’, ‘увесистая деревянная колотушка’, ‘трамбовка, ручная баба’ и переносное значение — ‘болван, балбес, дурак, тупица’. В ГМСП слово **балда** употребляются со значением ‘толстая палка, дубина для убоя скота’. Для работы с применением указанных орудий труда требуется физическое напряжение, но не нужны сложные практические навыки, поэтому культурная коннотация может быть выражена формулой: **“выполнять работу, не требующую практических навыков → бездельничать”**.

4. Субстантивный компонент ФЕ **бить балуи** не приводится в ССГ и не зарегистрирован в картотеке СМСПГ, но В.А.Щебникова, описывая экспрессивные наименования лиц мужского пола в смоленских говорах, приводит слово **балуи** в составе лексико-семантической группы со значением ‘глупый, неумный, умственно отсталый’¹⁰. Следовательно, коннотативное содержание этого фразеологизма может быть выражено формулой: **“ничего не делать из-за умственной отсталости → бездельничать”**.

Этой же формуле может соответствовать и культурная коннотация фразеологизма **балды бить**, т.к. исходное переносное значение ‘болван, балбес’ субстантивного компонента допускает двойственную культурную мотивацию (см. выше).

5. Этимология русского фразеологизма **бить баклуши** общеизвестна. В ГМСР зарегистрирована ФЕ **бить баклонки**, субстантивный компонент которой не отмечен в свободном употреблении в наших говорах и не зафиксирован в СД. Но можно допустить, что оно является диалектным словообразовательным вариантом компонента **баклуши**, и тогда культурная коннотация фразеологизма **бить баклонки** выражается формулой: “**заниматься мелкими, незначительными, пустяковыми делами → бездельничать**”.

В таком случае фразеологизм **бить баклонки** входит и во ФР с коннотативным содержанием “**профанация плодотворного труда**”,¹¹ в который, кроме данного, в ГМСР входят фразеологизмы:

БОРОНОВАТЬ ВОДУ ‘делать пустое, бесполезное дело’: День цэлы ваду баранавай, иди чим-небудь палезным займися. Гавриловка, Хот. Мгл.

БЫКАМ ХВОСТЫ НАКРУЧИВАТЬ ‘делать пустое, бесполезное дело’: Мужык во цэлы день быкам хвасты накручвайть, а потым кажа, што стамиўся. А с чаго? Заходы, Мст. Мгл.

ЛЯГУШКАМИ ГЛАЗ КОЛОТЬ ‘делать пустое, бесполезное дело’: Што ш ты глаз лягушками колиш, лепий брату сена скласти пымаги. Шамово, Мст. Мгл.

БАЛДУ ГОНЯТЬ ‘слоняться без дела’: Будя ўжо табе балду ганяць, иди з батькам бульбу скрырадыць. Звенчатка, Клим. Мгл.

Культурная коннотация ФЕ **бороновать воду, быкам хвосты накручивать** мотивирована формулой: “**активное трудовое действие с заведомо неплодотворным результатом → безделье**”.

Во фразеологизме **балду гонять** отражено активное действие, направленное на бесцельное перемещение объекта, а во фразеологизме **лягушками глаз колоть** — активное физическое воздействие на объект с пагубным результатом.

Единицы этого ФР отражают отношение к безделью, свойственное славянскому менталитету, — осуждение того, что безделье стремятся скрыть, замаскировать активной деятельностью по пустякам. Отсюда

и содержание культурно-национальной коннотации этих ФЕ: недостойно человека заниматься заведомо нерезультативными делами.

Характерной чертой славянского менталитета является и осуждение откровенного пассивного бездействия, отраженного, например, в ФЕ **сидеть сложа руки** (русск.) и **склаўшы (злажыўшы) рукі** (бел.). Синонимичный им фразеологизм есть и в ГМСП — **дэбом (дэвбом) сидеть** ‘сидеть без дела’: “Што ты **сядиш дэбам?**” — так говорят, кали чалавек ляницца, ня хоча работыць. Нестерово, Мст. Мгл. Летам работаим як кони, с раньня да тёмнага, а зимой якая работа — **сядим дэўбам**. Крутая, Мст. Мгл.

В наших говорах отмечено существительное **дэба** ‘каменистая, неплодородная земля’, которое в прототипной ситуации мотивировало фразеологизацию свободного словосочетания. Содержанием культурно-национальной коннотации является осознание того, что пассивное бездействие как бы камнеподобно (ср. русск. поговорку **под лежачий камень вода не течет**).

Как считает лингвисты, такого рода осужающее или пренебрежительное отношение к безделью — общечеловеческая культурная универсалия, но ее языковое воплощение в образ-стереотип, запечатленный во фразеологизмах, зависит от характерного для данной культурно-языковой общности мировидения.

Літэратура:

1. *Аксамітаў А.С.* Беларуская фразеалогія. — Мн., 1978. — С. 119.
2. См. *Маслова В.А.* Введение в лингвокультурологию. — М., 1997. — С. 40-45.
3. *Буслаев Ф.И.* Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные. — М., 1954. — С. 37.
4. *Черданцева Т.З.* Идеоматика и культура: Постановка проблемы. // ВЯ, 1996, № 1. — С. 58.
4. *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. — М., 1973. — С. 48.
5. *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М., 1996. — С. 231.
6. *Аксамітаў А.С.* Беларуская фразеалогія. — С. 209.
7. *Лепешаў І.Я.* Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. — Мн., 1981. — С. 20.
8. Там же. — С. 21.
9. *Щебникова В.А.* Экспрессивные наименования лиц мужского пола в смоленских говорах. // Актуальные вопросы лексикологии в историческом и синхронном освещении. — Смоленск, 1995. — С. 98.
11. См.: *Телия В.Н.* Русская фразеология. — С. 231, 256-258.

Словари:

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 6-е изд. – Т.1-4. – М., 1955. (усл. сокр. – СД).
2. *Лепешаў Т.Я.* Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. – Мн., 1981.
3. Словарь смоленских говоров / Под ред *А.И.Ивановой.* Вып. 1-7. – Смоленск, 1974-1996. (усл. сокр. — ССГ).